

**ТАК ПЛОХО,
КАК СЕГОДНЯ**

ТАК ПЛОХО, КАК СЕГОДНЯ

Его имя: Андрей Владимирович Велицкий, но все и всегда звали его Веля (сокращенная фамилия). И со временем все забыли, что он Андрей Владимирович. Просто Веля.

Веля рано стал знаменитым. Его пьеса обошла все театры страны, принесла большую славу и большие деньги. Богатый, молодой и знаменитый — буквально козырный туз в колоде. В таком случае — не важно, как туз выглядит. Он может быть и лысым, и коротышкой. Главное — талант и статус. Но Веля был еще и красавец. Куда уж больше.

В его красоте главное — ум, светящийся в глазах, и застенчивость, плавающая в улыбке. Он никогда не был высокомерным. Он смотрел на собеседника с ожиданием радости, как молодая собака: куда побежим? Что будем делать? В нем постоянно присутствовала готовность к приключениям, к аванюре, и было непонятно: откуда он берет свои глубокие мысли, анализ происходящего... Откуда-то. Из космоса.

В него были влюблены все женщины поколения. Кроме меня. Я понимала, что такой уровень мне не по зубам. А попадать в поток поклонниц не хотела. Зачем? Чтобы мной закусывали, как огурчиком? Я держалась поодаль и наблюдала. Мне было интересно посмотреть: кого же он выберет? На ком остановится?

И он выбрал чужую жену, старше себя на шесть лет. С чего вдруг? Но, когда я ее увидела, все поняла. Эмма (так ее звали) была другая, чем все. Не советская. Она как будто сошла с экранов западного кино — неземная и независимая. Инопланетянка.

Роман пылал у всех на глазах, как костер. Все ждали, чем он закончится.

А закончился он смертью мужа Эммы. Возможно, он умер от горя, от утраты Эммы. Есть такие женщины, равные жизни. Без них ничто не радует и жить незачем.

Существует еще одна причина: раненое самолюбие. Каждый кому не лень судачит, осуждает, подозревает в мужской неполноценности. Это все равно что выйти голым на всеобщее обозрение, и все тебя рассматривают в подробностях и хихикают в кулак.

Если разобраться, все самоубийства от разбитых надежд. Но муж Эммы умер от разрыва сердца. Он был не молод, сосуды изнашивались, один, самый хрупкий, сосуд порвался, и «здрате, Константин Сергеевич». Так звали Станиславского. Он давно уже переместился на тот свет и встречал там всех деятелей культуры — плохих и хороших. А может быть, только хороших — трудно сказать.

Веля всегда мечтал жениться на Эмме, но в отдалении маячил муж, и это придавало их связи остроту и привкус трагедии. Но муж умер, дорога открыта, квартира свободна. Все имущество переходит вдове. Эмма не только свободна, но и богата, что тоже очень сексуально.

Веля испугался. Мужчины никогда не хотят терять свободу, даже если любят. Жениться — значит обрубить себе все следующие возможности. Но Веля понимал, что назад дороги нет. Он сделал предложение.

Эмма печально согласилась. Все-таки ей было жалко мужа. Мужа не хватало. Когда он жил — было лучше. Все, как тигры в цирке, сидели на своих тумбах. Муж — на своей, Веля — на своей. Все было прочно и разнообразно. А сейчас — как будто дверь открыта и гуляет сквозняк. Того и гляди, вор залезет или ветер выдует тепло. Но у жизни свои резоны. Эмма одновременно стала вдовой и невестой. Надо было выбирать.

Она приняла предложение Веля и укатила на море со своим внуком Левушкой. Левушке — два года. Эмме — сорок, а ее дочери Маше — двадцать. Обе — мама и дочь — рано открыли сезон, поскольку были любопытны, нетерпеливы и хороши собой, в стиле французской актрисы Катрин Денев. Обе яркие, как леденцы, хотелось положить их за щеку.

Левушка — маленький и смешной. Эмма купала его в море, потом заворачивала в махровый халат и укладывала спать прямо на берегу, чтобы ребенок дышал морем. Набирался здоровья. Она вилась над ним, как орлица над орленком. Видимо, материнский инстинкт не был утолен одним ребенком, дочерью Машей.

Маша тоже отдыхала на море, с мамой и сыном. Мужа при ней уже не было, она его отставила за ненадобностью. Видимо, муж не

соответствовал ее амбициям, а просто любовь проходит быстро. Особенно первая любовь.

Все это происходило в Доме творчества, в Крыму. Я тоже отдыхала там в это же самое время, поскольку была членом Союза писателей. Средний возраст писателей — шестьдесят лет. А мне — двадцать шесть. Я рано открыла свой творческий сезон. Писатели приняли меня в свои ряды, допустили к своим благам, куда входили дома творчества в лучших уголках страны.

Я краем глаза наблюдала, как дочка Эммы Маша закрутила роман с восходящей звездой по имени Сандрик. Они вместе шли к морю радостной, упругой походкой — полуголые, в одних купальниках. Счастье сияло над их головами как нимб. Рыжий Сандрик под солнцем — как зажженная спичка. Еще секунда, и сгорит. У Маши идеальная фигура, ничего лишнего. Весь ее облик как будто взывает: «Люби меня».

Я смотрела на них без зависти. Просто видела: вот идет любовь. Хорошо бы их нарисовать: полуголые, светящиеся.

Что было дальше с этой любовью, я не знаю — продолжалась она или прервалась... Наверное, какое-то время продолжалась, но в конце концов прервалась, потому что Маша уехала вместе с матерью в Америку.

Но это будет позже. А сейчас они обе — мать и дочь — были в эпицентре молодости и любви. Одной двадцать, другой сорок. Солнце, море и жизнь впереди.

Эмма ждала Велю. Он должен был приехать к ней своим ходом, на машине. Она ждала его во вторник, к вечеру. И в этот же вторник разразилась дикая гроза. Молнии раздирали небо. По радио передавали, что на дорогах камнепад и оползни.

Все знали, что Веля едет, путь его опасен, и группа поддержки устремилась к Эмме. Зачем? А непонятно. Просто Веля был всеми любим, и хотелось стать к нему поближе, прикоснуться к его жизни, пусть на расстоянии. Было невозможно сидеть в номерах и пить чай, когда Веля рискует жизнью каждую секунду. Порывы ветра трясут и швыряют его машину, а ветровое стекло заливают яростные потоки грозы.

Группа поддержки вошла в номер к Эмме. Она сидела на диване. Я запомнила ее тревожное лицо и платье. Юбка с рваными краями. Этот фасон был придуман каким-нибудь заковыристым стилистом, потому что сам до такого кроя не додумаешься. Лицо маленькое,

щеки обтянуты тревогой, глаза — не здесь. Она смотрела на нас с легким непониманием: чего приперлись... Но ей было легче с нами, чем одной.

Левушки в комнате не было, видимо, его забрала Маша.

Наша группа поддержки молчаливо оказывала сочувствие Эмме и Веле, уважение к их любви. Женщины прятали легкую зависть, но помыслы наши были чисты. Веле грозила опасность, и любой из нас готов был подставить свои руки под его колеса, чтобы удержать, если понадобится.

Женщины мысленно сравнивали себя с Эммой: многие моложе и на красоту не хуже. Но что-то в Эмме было другое, чем во всех нас. Другая самооценка. Веля украшал Эмму. Еще бы... Но и она его украшала. Дорогая штучка. Настоящая драгоценность. Мы все выглядели как стекляшки возле бриллианта.

У Вели был широкий выбор — вся страна. Но он выбрал Эмму. Значит, было за что.

Однажды, через полгода после лета, я шла с кем-то по дачной дороге. Нам повстречалась машина. В ней сидели Веля и Эмма.

Ходили слухи, что они решили валить из страны, скорее всего — в Америку. Там свобода, а у нас ее нет.

Я никогда не понимала: что такое свобода? Для меня свобода — это русский язык. Я на нем свободно говорю, и не просто произношу слова, а плаваю в нем как рыба в море, как птица в небе. У меня огромный словарный запас. Я виртуозно жонглирую словами. Заслушаешься. А в Америке я смогу произносить только «о'кей» или «гуд-бай». Я не знаю английского языка и никогда его не выучу, а даже если и выучу, буду передвигаться от слова к слову, как на костылях. Зачем мне такая свобода?

Но Веля — человек мира. Личность другого масштаба, а большому кораблю большое плавание.

Эмма и Веля сидели в машине — и что-то было в них нездешнее, заморское. А именно: дорогая неброская одежда, отсутствие лишнего веса плюс доброжелательность. Веля остановил машину, стал говорить о чем-то с тем человеком, который шел возле меня. А я просто стояла и молчала и рассматривала эту пару людей с другой планеты. И понимала, что в Америке они приживутся, а я останусь в своем болоте и буду здесь квакать, в смысле говорить — хорошо и складно.

Эмма летуче улыбалась мне из машины. Это была вежливость воспитанного человека; не воротить морду в сторону, а дескать: вижу-вижу, очень приятно.

Мужчины окончили разговор, и Веля тронул машину. Они отъехали и увезли с собой свой мир. А мы остались на дороге.

Была еще одна встреча.

Я приехала с моим другом к кому-то на день рождения. Было обильное советское застолье, а именно: холодец с хреном, салат оливье, селедочка с картошечкой, квашеная капуста и так далее. Это обязательный ассортимент тех времен. Сейчас — другое время. Сейчас на столах — красная икра, клешни крабов и прочие морепродукты. Холодец и салат оливье — жлобская еда, повышающая холестерин, опасный для жизни. Я все понимаю, но для меня до сих пор нет ничего вкуснее, чем холодец с хреном и салат оливье.

В конце вечера решили поиграть в преферанс. Мой друг радостно согласился, а мне надо было вернуться домой.

— Тебя отвезет Татьяна, — сказал друг.

— Никаких Татьян, — возмутилась я. — Я с тобой приехала и с тобой вернусь.

Друг растерялся. Ссориться со мной он не хотел, но и упустить игру в преферанс было бы обидно.

Веля и Эмма стояли рядом и присутствовали при конфликте.

Мой друг устремился к Веле за справедливостью: кто из нас прав.

— Ты все сделал правильно, — рассудил Веля. — Но ты потратил недостаточное количество слов.

Я запомнила это его высказывание; действительно, очень часто все зависит от ДОСТАТОЧНОГО количества слов.

Мой друг мог бы мне сказать, что он давно не играл в преферанс, а для него это релакс, расслабление. А он так устал, все нервы натянуты, и только я одна могу его понять, потому что у меня тончайшая душа. И какая разница: кто довезет меня до дома — он или Татьяна. Татьяна живет по соседству и сможет доставить меня до самого подъезда. А если мне важно вернуться именно с ним, то я могу подождать, пока не закончится игра.

И тогда бы я сказала:

— Да нет. Зачем ждать? Это долго. Я, пожалуй, поеду с Татьяной...

На самом деле мой друг был единственным ребенком в семье, его баловали всю дорогу, и он не в состоянии был думать ни о ком, кроме себя. Он так привык.

Таких людей много. От них хорошо бы держаться подальше. Но именно такие и нравятся. Хорошие мальчики, как правило, скучны. Интересны плохие мальчики.

Веля, как ни странно, был хороший мальчик, несмотря на всеобщую любовь и заласканность. Его все любили и баловали. Он умел не вызывать зависти, хотя его талант и успех были очевидны. При всем при этом Веля был теплый, скромный и глубоко порядочный человек. Он как будто не замечал своей избранности и соблюдал все правила приличия и все законы человеческого бытия.

Эмма была за ним как за каменной стеной. Счастливая женщина, Эмма.

В следующий раз мы встретились через тридцать лет.

Талантливые люди старыми не бывают. Веле стукнуло шестьдесят пять, но он мало изменился. Во всяком случае в моих глазах. Тот же лукавый взгляд, та же тихая улыбка. Седина в русых волосах как-то затерялась. Общий тон — пепельный.

Мы встретились в Швейцарии на книжной ярмарке. Туда были приглашены ведущие российские писатели, и я в том числе.

Мой талант тих и скромен на фоне настоящих творцов, таких как Веля и иже с ним. Но среди приглашенных были и такие, которые писали намного слабее, чем я. Это успокаивало и уравнивало.

За тридцать лет в жизни Вели произошли большие перемены. Жил он в Америке, на берегу океана. Круглый год солнце, фрукты, морепродукты, рай.

Внук Эммы Левушка вырос, расцвел и погиб в двадцать пять лет. Это случилось пять лет назад. Что явилось причиной трагедии — неизвестно. Подозревают наркотики. Я не помню, чтобы в мое время существовала эта губительная чума. А сейчас наркота ходит, как смерть с косой, и косит молодых, красивых, прекрасных. Буквально выкашивает.

Эмма сломалась. Погиб смысл ее жизни. На чужбине, пусть даже в раю, но в чужом раю, она питала свою душу только любовью к близким: дочке, внуку, мужу. И вот главное звено — Левушка — исчезает, растворяется во вселенной.

Эмма подходила к Веле, поднимала к нему свое маленькое лицо, обтянутое горем, и спрашивала:

— Как мы теперь будем жить?

— Мы будем жить грустно, — отвечал Веля.

Живой в могилу не ляжешь. Надо жить, и они стали жить грустно; Эмма провалилась в депрессию. Она не хотела начинать день, не хотела причесываться, готовить еду. Зачем? Она просто ждала, когда все кончится, она переместится в мир иной и встретит там своего Левушку и спросит его: как это все случилось? Только он один это знает и сможет ответить на все ее вопросы.

Веля терпеливо заставлял Эмму начинать день, умывал ее и причесывал, шел в магазин, покупал продукты, потом возвращался и готовил обед.

Кормил Эмму из ложечки, следил, чтобы она получала нужное количество калорий и витаминов.

Веля надеялся, что время лечит. Эмма в конце концов выйдет из депрессии. Но ничего не менялось. Каждое утро Эмма открывала глаза и произносила одну и ту же фразу: «Так плохо, как сегодня, мне не было еще никогда...»

Жизнь Эммы — ее детство, юность и зрелость — протекала без испытаний. Ее всегда любили, вначале родители, потом мужчины, и главный приз жизни — Веля. У Эммы не было потерь, утраченных иллюзий, разбитых надежд. У нее не было иммунитета к утратам, и, когда на нее свалилась бетонная плита горя, она не выдержала. Сломалась и не могла подняться. Так продолжалось изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Веля принял эту жизнь. Он делил горе любимой женщины, но помимо этого он еще и работал. Писал свою «нетленку» — так шутили его московские друзья. Где сейчас эти друзья? Где их общая бурная молодость? Где эта страна — Советский Союз? Все рухнуло, обвалилось. Когда-то Веля и его друзья мечтали сломать режим, развеять застой, разогнать старцев на трибуне Мавзолея. И вот все случилось. Режим сломан. Застой развеян.

На смену старых пришли молодые, активные и жадные. Все изменилось. Можно возвращаться домой, в Москву, в русский язык. Не обязательно сидеть в чужом раю. Но не обязательно жить только в одном месте, в конце концов можно жить и на две страны. И даже на три. Можно быть человеком мира.

А почему нет?

Веля стал наезжать в Москву, тем более что его непрерывно приглашали. Велю помнили и любили и считали за честь видеть его в разнообразных жюри.

Веля отрывался от Эммы. Вместо себя оставлял надежного человека: дочку Эммы Машу или домработницу итальянку Камиллу.

Камилла подходила больше. Это была крупная, веселая, рукастая крестьянка. Она не обращала внимания на депрессию хозяйки, и Эмма как-то незаметно отвлекалась от своего горя. Тогда как Маша — удваивала: на депрессию Эммы наваливала еще и свою.

Веля стал бывать в Москве все чаще. Ему оплачивали проезд, гостиницу и гонорар. Гостиница Веле не нужна. Свою квартиру в центре Москвы они с Эммой не продали, а оставили на всякий случай. И этот всякий случай являлся все чаще.

В какой-то момент Веля осознал, что его жизнь — здесь, а не там. Здесь его любят. Здесь — русский шарм и русская ментальность, которой больше нет нигде. И сам он русский до мозга костей. Свой среди своих.

В Сочи проходил основной российский кинофестиваль. Веля — председатель жюри.

Фильм кончился. Все зрители ушли, и жюри тоже разошлось. А Веля все сидел и думал о том, что увидел. Фильм его потряс уровнем правды. В Советском Союзе не могло появиться такого фильма. Его бы сразу закрыли и смыли пленку. Чувствовалось, что автор фильма знал эту жизнь, о которой рассказывал: жизнь современного дна. Литература и кинематограф никогда прежде не заглядывали в это безжалостное дно.

Искренность и талант — вот две составляющие настоящего произведения. Если нет таланта, никакая искренность не поможет. А если нет искренности, то вылезет полуправда, а значит — вранье.

Веля сидел и размышлял. И вдруг на его колени села Полина Жук — фотограф кинофестиваля. Художники-фотографы в основном мужчины, но Полина — единственная в своем роде — смелая, талантливая, без тормозов.

Все можно, и ничего не стыдно.

Она села к Веле на колени и обвила его шею тонкой рукой.

— Ты что делаешь? — испугался Веля.

— Я тебя люблю, — просто сказала Полина.

— Я старик, — напомнил Веля.

— Это не зависит...

Полине было за сорок, но она выглядела на десять лет моложе: тонкая, черноглазая, как цыганка, веселая, все нипочем. Между собой ее звали Жучка, и она привыкла. Жучка — не собака, а жена жука. Или подружка жука.

Почему бы и нет.

— Перестань, люди увидят, — смутился Веля.

Он боялся, что кто-то заметит и доложит Эмме. Ей только этого не хватает.

— Пойдем к тебе, — предложила Жучка.

— Мне шестьдесят пять лет, — напомнил Веля.

— Не думай об этом. Я все сделаю сама.

Веля внимательно смотрел на Полину. Эта женщина, как ребенок, привыкла получать все, что хочет.

— А ты, случайно, не папарацци? — проверил он.

— Я лауреат конкурса. Лучше меня только Андронов.

Полина ему нравилась: ее энергия, ее напор. Как давно этого не было в его жизни...

Веля звонил домой. Камилла отвечала: все в порядке, все по-старому. Жизнь остановилась, и это считалось в порядке.

А здесь, в Сочи, жизнь захлестывала, как цунами. Просмотры, обсуждения, банкеты, ярмарка тщеславия, суета сует, солнце, море, мартини. Режь эту жизнь и ешь ее кусками.

На закрытии фестиваля Полина вручила Веле пачку фотографий. Только лицо. Крупный план. Веля думает, Веля спорит. Звонит по телефону. Хохочет. Лицо было счастливым. Впервые за долгие годы Веля увидел свое счастливое лицо.

Швейцария — это рай. Такая же красота и скука. Вместо ангелов — голубые парни. Куда ни зайдешь: в кафе, в бутик — тебя обслужит жеманный красавец с серьгой в ухе.

Семьсот лет не воевали, не знают трудностей и потрясений. А страну надо встряхивать время от времени, как старую шубу. А может быть, и не надо. Трудно сказать.

В Швейцарии всё для человека: еда, вода, леса, озера, социальная поддержка. Бытует мнение, что Швейцария — страна для пожилых людей.

Все удобно, сплошной комфорт и никаких тебе всплесков. Сплошной штиль.

Русскую делегацию расселили в четырехзвездочном отеле.

В составе делегации писатели трех поколений: молодые, средние и старшие. При этом старшие не знают молодых. А знают ли нас молодые — неизвестно. Велю во всяком случае — знают. Он — знаковая фигура на все времена.

Я смотрю на Велю. Он, конечно, постарел, но не изменился. Обаяния — море. На него хочется смотреть не отрываясь.

Возле Вели — Полина Жук. Жучка. Как она здесь оказалась? Возможно, ее включили в делегацию как успешного фотографа, она должна зримо отражать выставку. Либо ее пригласил Веля и она является гостьей Вели...

Мне не все равно, потому что где-то, «на том конце замедленного жеста», маячит Эмма в обнимку со своим горем. Но вопросов я не задаю. Каждый живет как хочет и как получится.

Не исключено, что между Велей и Полиной только дружба. Полина, как маленькая электростанция, питает его севший аккумулятор. Они нужны друг другу, Веле — заряжаться, а Полине заряжать. В ней столько жизненных сил, что их надо тратить. Иначе она взорвется. Трудно быть счастливой для себя одной. Надо делиться.

Жучка — оптимистка, ей все нравится, и я в том числе. Она бросается мне на шею как близкая родственница, и мне ничего не остается как ответить любовью на любовь.

Жучка, оказывается, читала мои книги, и ей кажется, что мы знакомы и близки, поскольку она знает меня изнутри.

— Что это у вас за сумка? — возмущается Жучка.

— «Гуччи», — отвечаю я с гордостью, поскольку это дорогая и пафосная фирма.

— Это теткина сумка. С такими ходят только тетки.

— А я кто? Дядька?

— Вы богема. Вы должны носить сумку «Мандарина Дак».

— А что это?

— Побежим и купим. Я знаю адрес.

На другой день мы носимся по магазинам, покупаем «Мандарину Дак» мне и Эмме. Веля не в курсе. Купить сумку для Эммы — идея Полины. И деньги Полины.

Люди делятся на берущих и дающих. Полина — второе. Ей нравится отдавать. Потом мы покупаем обувь — мне и Веле. Веля ничего про это не знает. Полина лучше ориентируется: что надо Веле. Она ему служит, это можно понять. Веля — один на поколение. Штучный экземпляр.

Вечером мы сидим перед отелем.

Вытащили столик, поставили стулья почти на проезжую часть. В полуметре от нас снуют машины, но это никому не мешает. Пьем

вино, беседуем, рассматриваем друг друга. Мне интересны молодые. Кто вы, пришедшие нам на смену, пытающиеся спихнуть нас в забвение...

Среди старших — очень известный Икс, с платочком на шее, законченный козел. Говорит глупости, лицо в неаккуратной растительности, как в плесени. Все пережидают, пока он заткнется. Когда-то, лет двадцать назад, он был красивый, я была в него влюблена. Я смотрю на Икс новыми, трезвыми глазами и пытаюсь понять: он действительно козел или во мне говорит перебродившее скисшее чувство?..

Веля тоже участвует в беседе. Говорит мало. От него веет благородством и добротой. Что это? Веля действительно снисходителен к миру, либо он хорошо воспитан, умеет себя вести. Сделанный человек.

Я — не сделанный человек: у меня прохладный глаз и неумение скрывать свои истинные чувства. Но, глядя на Велю, я слежу за собой, контролирую себя, фильтрую. Отзываться о людях с пренебрежением — все равно что плевать против ветра. Плевков к тебе вернется, довольно скоро и прямо в рожу.

Через три часа посиделок мы расходимся.

Ко мне подходит молодой прозаик, что-то спрашивает. Я отвечаю. Потом он говорит:

— Послушайте, какой же этот Икс дурак. Как он пишет свои книги? Каким местом?

— Талантом, — отвечаю я.

Речь идет о козле. Значит, я не ошиблась. Я ошиблась тогда, двадцать лет назад.

Действительно, как он пишет свои книги? Где он настоящий: в творчестве или в жизни? Как он совмещает в себе козла и трепетного творца? А может быть, это вполне совместимо?

Книжная ярмарка похожа на муравейник с муравьями. Ручейки муравьев текут туда-сюда, от одного стенда к другому. В отсеках громадного павильона — встречи с писателями, очереди за автографами. Яркие обложки книг. Представлены все страны. Все языки.

В русском отсеке выступает Сандрик. Сегодня он Александр Григорьевич. У него большая голова, где размещены его большие знания. Я легко узнаю в нем того самого, рыжего, с которым Маша (дочь Эммы) закрутила курортный роман. Он мало изменился,

а его восходящая звезда взошла и прочно укрепилась на литературном небе.

Голос Сандрика высоковатый и завораживающий. Он только начал говорить, а человеческие ручейки потекли в наш русский отсек, и через пять минут уже негде яблоку упасть. Он зазывает народ, как заклинатель змей своей волшебной дудочкой. Люди еще не понимают, о чем он говорит, а уже идут, идут...

Мое поколение богато великими людьми. Они еще живут среди нас, а уже известно, что это — гений. И не надо дожидаться его смерти, чтобы это понять. Понимают ли они сами свое значение? Может быть. Пушкин ведь понимал.

Я преклоняюсь перед гениями. Я их вижу, чувствую и многое прощаю. Что позволено Юпитеру, не позволено быку.

Мне полагается выступить. Иначе зачем я здесь...

Общих слов я не люблю, поэтому рассказываю конкретные вещи. Я не буду пересказывать свое выступление. Помню только, что мне самой было интересно. Не скучно. А значит, не скучно и другим. Лица людей были приподняты и готовы к улыбке.

После выступления ко мне подошел Его Высочество князь Голицын. Ему девяносто шесть лет. Он живет в Швейцарии. Высокий, стройный, худой, как засушенная ветка. Очень красивый.

Его Высочество благодарит меня за выступление. Я смущена и, чтобы скрыть смущение, делаю ему комплимент.

— Как вам удастся сохранять физическую форму?

— Я мало ем, — отвечает Высочество. — Обед — только йогурт. Вторник сексуальный день. Я вызываю девушку по телефону. Раз в неделю.

Я молчу. Мне неудобно развивать эту тему.

Можно полноценно жить и в девяносто шесть лет. Главное — быть живым. И нет ничего важнее жизни.

Выставка продолжалась неделю.

В день закрытия нас пригласили на банкет. Еда была дешевая, невкусная, салат плохо промыт или не вымыт вообще. Все кончилось тем, что я жестоко отравилась и не спала всю ночь. Жучка всполошилась и приволокла мне бутылку водки для дезинфекции.

Когда я наутро вышла из номера, делегация заподозрила, что я алкашка. Бледная до зелени, угрюмая, с бутылкой в руке.

Так окончилась моя книжная ярмарка.

Я вернулась из Швейцарии в Москву.

Впечатления улеглись. Я стала забывать Женеву и Женевское озеро. А что их особенно помнить? У нас своя жизнь, у них своя. У нас американские горки: вверх — вниз, у них — застой благополучия.

Неожиданно мне позвонила Полина Жук.

— Я хочу к вам приехать, — сказала Полина.

Мне хотелось спросить: зачем? Но я воздержалась.

— Ты на машине? Я далеко живу, — предупредила я.

— Не имеет значения. Я хочу вас видеть.

— Я тоже хочу тебя видеть, — созналась я. — Приезжай. Пиши адрес.

Полина приехала на другой день.

Она привезла мне в подарок свой альбом фотографий. На мелованной финской бумаге — пейзажи, портреты. Дух захватывает от красоты и тайны. В эту тайну можно проникнуть только с помощью таланта.

В старых лицах просвечивают молодые, и становится понятно: жизнь непрерывна.

Мы сели обедать.

— У тебя есть мастерская? — спросила я.

— В том-то и дело...

Полина рассказала свою печальную историю, довольно типичную для интеллигенции.

Жить не на что. Она сдала свою квартиру, а сама переехала в мастерскую. Но мастерскую отбирают, поскольку закончился срок аренды.

— Какой выход? — спросила я.

— Приватизировать мастерскую.

— А от кого это зависит?

— От мэра.

Я догадалась: Полина хочет, чтобы я позвонила мэру. В этом цель ее приезда.

— Я нового мэра не знаю. Он меня тоже, — объяснила я.

— Веля знает. Веля пообещал, что попросит. Он уже записался на прием. Его примут через неделю.

Значит, цель визита — не мастерская. Тогда что? А может быть, ничего. Просто соскучилась и приехала.

Общение тоже роскошь, своего рода бриллиант, особенно общение близких по разуму и жизненному восприятию.

Мы выпили. По телу разлилась благодать и полное спокойствие.

Полина рассказала, как от нее ушел первый муж. Он был моложе ее на десять лет.

— К молодой? — спросила я.

— На десять лет его моложе.

— Значит, тебя на двадцать, — посчитала я.

— Ну да... — согласилась Полина.

— Этого следовало ожидать.

— Почему же? — не поняла Полина. — Разве я не красивая?

Она держала фужер у лица. Большие глаза над хрусталем.

— Я красивая, не зануда, сама зарабатываю... — перечислила Полина. — Была такая любовь...

— Была и сплыла.

— Но почему?

— Ему захотелось детей. А родить должна молодая. У цыган женщина рожает с двенадцати лет. А в семнадцать уже считается старуха.

— Мы же не цыгане, — возразила Полина.

— Ты хочешь, чтобы я с ним поговорила? — догадалась я.

— С кем?

— С твоим мужем...

— Вы что, с ума сошли? Зачем он мне? Я Велю люблю.

— А с Велей у тебя какая разница?

— Двадцать пять лет. Но я их не чувствую. Моя душа слилась с его душой. У нас одна душа на двоих. Я все время слышу его присутствие.

— И сейчас?

— И сейчас...

Наступила пауза. В тишине две души, обнявшись, как в вальсе, медленно проплыли над нашими головами.

— Я хочу родить от Вели ребенка, — проговорила Полина.

Теперь я поняла наконец — зачем Полина приехала. За советом.

— Тебе нужно мое мнение? — проверила я.

— Да. Это очень серьезно. Мне не с кем посоветоваться.

— Веле шестьдесят пять. У него большое прошлое, но маленькое будущее.

— У него прекрасные гены, — возразила Полина. — И у меня тоже очень хорошие гены. Мой отец был большой художник. Мать — наполовину татарка. Красавица. У нас будет потрясающий ребенок. Я привезу его к Веле на океан.

— То-то Эмма обрадуется...

— Эмма будет наблюдать, как он растет, и не думать о смерти. Она выйдет из депрессии и воспрянет. И Веля воспрянет. У них же нет общих детей.

— Ты о ком думаешь — о себе или об Эмме? — не поняла я.

— Это выход для всех. Новая жизнь всех возродит. И ребенок сам получит жизнь. Я почему-то думаю, что это будет мальчик.

Я смотрела на Полину. В ней совершенно не было захватнического начала. Она была готова делиться всем, что имела и не имела, только бы Веля воспрял для жизни.

— А сколько люди живут? — спросила я.

— Не знаю. Князю Голицыну девяносто шесть.

— Ну вот, а Веле только шестьдесят пять. Значит у него в запасе тридцать лет. Мальчик успеет вырасти и получить образование.

Полина просветлела и обрадовалась, как будто действительно от меня зависело их общее будущее.

Веля приехал в Москву. У него было несколько срочных дел, и в том числе визит к новому мэру. Он собрался просить мастера для Полины.

Веля не любил просить. Если бы можно было купить, он так бы и сделал. Но откуда деньги у эмигранта?

В русской литературе воспеваются честные неудачники, а в Америке неудачников презирают. Ценятся победители. Воспитывают в человеке активное начало: надо действовать и побеждать, а не сидеть и ждать у моря погоды.

В семидесятые годы из-за «железного занавеса» нам казалось, что Америка — это страна обетованная. В Америке «не темнеют небасводы, не проходит тишина». Но хорошо там, где нас нет.

Веля надел свежую рубашку, вынул из коробочки золотые запонки — подарок Эммы в первый год романа. Никто не предполагал, что этот роман перерастет в целую жизнь.

Веля всегда мечтал о счастье для Эммы. Он все делал так, как она хотела. Она хотела Америку, берег океана, свой дом — все это он положил к ее ногам. На! Живи! Цвети! Но нет большего несчастья для семьи, чем гибель ее младшего члена. Земля рухнет под ногами, и уже ничего не спасает: ни Америка, ни океан, ни любовь. Эмма считала, что они Левушкой заплатили за эмиграцию. Не уехали бы из России, Левушка остался бы жив. И получалось, что Веля виноват. Это он затеял и осуществил эмиграцию.